

ОКТАБРЬСКИМ ОЗОНОМ ДЫША...

ПОЭТ ДЕЙСТВИЯ

Весной этого года в статье народного артиста СССР Бориса Бабочкина наша газета представила читателям одного из зачинателей советской драматургии А. А. Вермишева. Личность вызвала интерес у читателей. Материал нашего корреспондента — ответ на многочисленные письма-просьбы рассказать об этом человеке...

НЕ ПОМНЮ где — в Лондоне, а может быть, и в Чикаго, на выставке показывали огромный, новой системы паровоз, развивавший немалую скорость...

Чистенький машинист, на чистеньком паровозе мчится на подставленных колесах... на месте.

Такая картина, по-моему, может... потрясти, если б этот же самый паровоз мчался по настоящему рельсам, мимо телеграфных столбов, мимо сел и городов, оставляя за собой клубы пара и дыма... В нем мы видели бы движение-жизнь...

Бессмысленная прокрутка на месте, страшная растрата энергии впустую и — настоящее «движение-жизнь», движение-действие. Этот выразительный образ, взятый из фельетона Александра Вермишева, определяет, как мне кажется, весь жизненный настрой этого заме-

чательного человека. Он был поэтом действия.

Необычайно одаренный, юрист, публицист, драматург, он консультировал большевиков в Государственной думе, сотрудничал в газетах Занавазья, хорошо знал театральный мир Петербурга. Его стихи читал на литературных вечерах Брюсов, на его технические изобретения выдавались патенты.

«Исполнительная энергия Вермишевых — талантливый род!» — шутило пишет Александр Александрович в одном из своих писем родным. Но при всей кажущейся — разбросанности лишь одно по-настоящему определило его поведение. Его «я» навсегда слилось, соединилось с судьбами революции. «Движение-жизнь» никогда не мыслилось им иначе, чем революционное действие.

Студент-второкурсник, Вермишев в 1903 году связывает свою судьбу с партией, и вскоре профессорский дисциплинарный суд изгоняет его из стен столичного университета. Вермишев становится «вечным студентом», одним из тех, кто сдавал экзамены в перерывах между арестами. Пропагандистская деятельность в рабочих кружках Выборгской стороны и высылка из столицы, нелегальное положение, политическая тюрьма «Кресты» — «дом родной», как с горькой иронией называет ее Вермишев.

Но будущий юрист с превеликим старанием одолевает на-

уку в тюрьмах. И, наконец, — презрительно при этом заклеянный «наторжником», — получает-таки диплом в провинциальном Юрьеве. Ему идет тогда 31-й год.

Его биография разных лет богата всевозможными «авантюрами», но эти опасные предприятия «не ради карьеры, а... опять же во имя моих юных «утопий», опять для борьбы, вне которой я не вижу жизни».

Вот одна из типично вермишевских затей. На средства, занятые у знакомых и родных, он печатает частным образом и рассылает по магазинам свое первое драматическое произведение — эту «За правдой», за что «знакомится» со Шлиссельбургской крепостью.

Затем в Петербурге на Большом проспекте открывается контора присяжного поверенного Вермишева. Подкупленные дворник и швейцар «не замечают» странного тона лица, которые появляются в весьма непрезентабельном виде у черного крыльца. А затем некоторое время спустя те же люди, прилично одетые, уже солидно стучат в парадные двери... Здесь пристраиваются к «делу» бывавшие из тюрьм и каторги политические.

«Контора» процветает. У Вермишевых пароль для связи по телефону: «Весело» — значит, дома кто-то из «своих». «Случно» — дело принимает иной оборот... Чаще всего на квартире Вермишевых «весело». Так «весело», что соседка удивлен-

но всплескивает руками: — Какая у вас богатая практика! А мой муж (врач) вовсе без клиентов...

А в редкие часы затишья он пишет. Из-под его пера выходят стихи, статьи, пьесы. Я держу в руках пачку писем Вермишева младшему брату Левону.

В его последних брату нет прямолинейности человека всеведущего, и здесь явно разграничены симпатии. В письмах ощущается принципиальная позиция человека убежденного. С сердечной простотой обращается Александр к уму-разуму брата. Он отнюдь не навязывает ему своего мнения. Он не пытается шпиговать неискущенного в жизненных испытаниях подростка готовыми рецептами «на все случаи»... Он для брата — рулевой в бурном море жизни. Размышления о смысле жизни, о понятиях достоинства, пользы, выгоды, карьеры — все это в центре его писем, и все это согрето добрым чувством человека, хорошо понимающего душевное состояние юности.

28 АВГУСТА 1913 ГОДА.

Дорогой Левик!

Твое письмо с радостью прочитал и удивился, что у тебя такой прекрасный слог, и ты так умело говоришь о своих впечатлениях. Милый мальчик, я так бы хотел поговорить с тобой о «Дворянском гнезде» и о Тургеневе вообще, но абсолютно голова моя занята другими вещами и положительного не имею времени. Не сердись, дорогой. Когда кончишь университет и будешь пытаться выбраться из нищенского существования, то поймешь, почему я не мог писать всем вам чаще, чем это хотелось бы.

Тургенев в дни юности был любимым моим писателем, он выработал во мне, так сказать, душу мою и напитал ее чудными звуками ласки, грусти и музыки, но научил меня переживать и записывать свои переживания.

Но настоящая жизнь полна грубого реализма, и познакомился с нею я, помимо личного опыта, впервые у Золя в его «Углекопях» («Жерминаль»).

Ты, Левик, как и многие в твои годы, — романтик. Прекрасные мечты и образы рыцарски-доблестные толпятся в твоей голове. Так вот, чтобы в будущем не рухнуть с неба на землю и из нежного не обратиться в грубого, старайся читать и таких реалистов, как Золя. Пробуй читать его «Углекопы». Это произведение никогда не устареет, тогда как типы Тургенева уже далеко в прошлом, вместе с их переживаниями. Тургенева надо изучать как исторический документ живших и, ушедших людей. Изучать же нашу жизнь надо у писателей неромантического толка.

Ну вот, Левик, пока все, что могу вторых написать тебе. Я всегда рад вашим радостям... Пишите, если будет время и охота со мной побеседовать.

Целую, Саша.

Завтра день моего рождения и послезавтра именин. Поэтому я и доставляю себе удовольствие поболтать...

16 ЯНВАРЯ 1914 ГОДА.

Дорогой Левик!

Я был очень обрадован, читая твоего «Золя». Поздравляю тебя с первыми печатными строчками. Воображаю, как тебе это было приятно. Хотя и говорят, что у нас в роду «писательство» вроде как бы болезнь наследственная, но не унывай, если ни дядя Ваня, ни Нина, ни тетя Маша, ни я не написались на «знаменитости». Быть может, тебя ожидают эти лавры. Главное, что после нас останется молодой продолжатель традиций нашей фамилии, и дело, наше родовое не погибнет...

Изложение пьесы мне понравилось. Несколько с пафосом перебор, но это не беда...

У меня легкий озноб и жар — простудился. Не осуди, если поставлю точку. Сел за письмо потому, что хотелось тебя поблагодарить за твоё желание поделиться со мной радостью. Спасибо, дорогой мальчик...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ТРИ ГОДА спустя Александр Вермишев штормовал Зиний, и все, кто помнит Вермишева периода революции, говорят о его самоотверженности. Он работал в комиссарнате продовольствия и, как все, получал скудный паек — приносил домой селедочные головы, посыпанную отрубями свеколую ботву, овсяные колбаски, именуемые «подзаборниками». Ему предложили переселиться в большие апартаменты, он решительно отказался: «Нам места хватит». День его начинался в шесть утра. Ночами он читал и работал. Работал и читал после того, как, охрипший, простуженный, приходил домой и буквально падал от усталости.

В жизни его было много бед, хлопот, лишений и неустойчивости. Но наконец-то свершился его революция! «Вечный» сту-

дент наконец-то получает диплом. Автор шестнадцати драматических произведений сам ретивирует свое детство — пьесу «Красная правда». Ликующий, он оповещает друзей о рождении наследника — сына. Наконец-то все вроде бы налажилось, все будет славно и радостно... Но в эти дни он пишет: «Что главное сегодня? Сражаться, умереть? Или, дрожа, стареть? Вся жизнь испытывая совесть укоров...»

Уйдя из армии по болезни, он все же подает заявление за увольнением, он хочет воевать. И вот как описывает его появление на фронте его друг: «В глухом донском местечке, в напряженной боевой обстановке, в дом, куда являлись мобилизованные товарищи, врывается бодрый, веселый товарищ Вермишев и с места в

12 МАЯ 1914 Г.

Дорогой Левик!

Наше поколение как в гимназические, так и в студенческие годы питалось и жило великими идеями, меньше всего думая о карьере. Где уж тут было думать о карьере. Гимназии кончались, чтоб надеть студенческий сюртук, университеты кончались случайно. Жизнь и смерть — все случайно было. Многие захлебнулись в крови. Из выскользших опять-таки многие, плюнув на «утопии», стали делать карьеру, для других, оставшихся верными истерзанному знамени своей юности, вопросы о карьере и сейчас чужды. Я из последних.

Если мне, Левик, и хочется поуститься в «полуавантюру», то опять-таки не ради карьеры, а ради добычи денег и опять же во имя юных «утопий», опять для борьбы, вне которой я не вижу жизни. Так что ты сам только и можешь решить: на борьбу с кем и с чем хочешь посвятить свою жизнь и действовать.

Что касается твоего вопроса о дипломатии, то она — определено — питается международною кровью.

Целую тебя крепко, Саша.

8 АВГУСТА 1914 Г.

Дорогой Левик!

Письма твои, дорогой мой мальчик, я всегда с большим удовлетворением читаю и удивляюсь тому, что ты так вырос с тех пор, как мы расстались. Твои запросы и твои интересы напоминают мне далекое уже для меня время, когда я юношей прислушивался к малейшему пульсу жизни и хотел познать ту тайну, которая заставляет расти цветок, тайну, которая двигает все человечество и мчит его в безудержном вихре куда-то вперед.

Мне очень трудно отвечать тебе аккуратно и подробно. Много прежде надо продумать и прочувствовать. Чаще всего, да и почти все жизненные вопросы, приходилось решать мне самому, и то, что я сейчас знаю, Левик, знаю не только по-книжному. Пережив в себе все, что я прочел, все, что услышал, я составил свое собственное мнение, и потому в настоящее время имею собственное убеждение.

Все это я тебе пишу для того, чтобы показать, в каком я оказываюсь затруднительном положении, отвечая хотя бы на один твой вопрос, которых, вижу, в голове твоей — миллион. Затронул ты, например, вопрос о дипломатической карьере...

В жизни, Левик, следует отличать красивые слова от реальной сущности этих слов. Говорят, что милитаризм существует в целях охраны мира, а на деле? Это подготовка к захвату чужих благ. А дипломатия — это правительственные агенты, выжидающие удобного момента для действий.

Для того, чтобы трезво судить о тех или иных общественных явлениях, надо быть знакомым... с экономическими науками, так сказать, с рычагами и основанной жизни... И когда ты уловишь то, чем жив, чем движим прогресс, тогда только выберешь себе по сердцу деятельность, которая доставит тебе внутреннее удовлетворение.

карьер: «Ну, давай работу, но такую, чтоб весь ушел в нее». С тех пор тов. Вермишев был там, где опасность».

Трагичная — в самом возвышенном смысле этого слова — судьба Александра Вермишева не была вовсе ни заблуждением мечтателя, ни отчаянным порывом человека с завязанными глазами. Каждое слово его взвешено, каждый шаг выверен разумом. Он всегда учил реализму, трезвости. И не потому ли любое решение Вермишева — выношенная позиция человека, который не мог жить иначе...

31 августа 1919 года в Ельце был замучен мамонтовцами комиссар Вермишев. Газета «Еженедельник правды» писала тогда:

«На все вопросы, задаваемые бандитами, тов. Вермишев ничего не отвечал. И когда увидели, что ему приходит конец, громко закричал: «Да здравствует Красная Армия и ее заво-

Ну, пока, до свидания. Твое описание родного Кавказа сжало грустью мое сердце. Я так люблю «альпы» и так далек от них.

О войне не пишу. Трудно о ней писать... Я сильно хочу иметь любимую родину, как ребенок имеет ласку матери. Я всей душой хотел бы видеть Россию мне и народу моему не мачехой.

Ну, прощайте. Горячо целую всех любимых и дорогих моих, единственных в целом мире.

Саша.

25 ФЕВРАЛЯ 1914 Г.

На твой вопрос, Левик, с чисто формальной стороны отвечу так. Для того, чтобы попасть в академию, надо все равно сдать экзамены, так что в этом смысле все обстоит благополучно для кавалериста в проекте.

Неблагополучно лишь то, что кроваво-геройские страсти и энтузиазм принимают ныне несколько паническую форму. Создается впечатление, будто настал момент, когда необходимо и грудным младенцам трещать пулеметами...

Энтузиазм и вдохновение — благородное дело. Но слабей рубить должен тот, кто по крайней мере физически и морально созрел, а пока таких зрелых недостаточно может выставить Родина.

Молодые елочники должны расти и учиться думать. Посылать в бой юное поколение, цвет человечества — вообще преступно. Я против этих жертв.

Здесь, в Питере, уже раздался, пока слабый, но голос против добровольцев-детей. Их призывают к выполнению своих прямых обязанностей — доучиться. А если в сердце клокощет жажда принять участие в войне — ради бога. Но только после того, как аккуратно будут обдуманы прослушанные лекции.

Таково приблизительно мое мнение по этому вопросу. Тебе оно не понравится, как и мой ответ о дипломатии, поэтому я еще и еще раз повторяю, что сам человек от юных дней должен решать все вопросы своего поведения самостоятельно, а, справляясь с мнением других, не думать никогда, что в этих мнениях лежит подлинная истина и правило безусловного руководства. Сколько людей — столько и мнений.

Твоя задача лишь выслушать, елико возможно, всю разнообразность суждений и из них воспринять наиболее приемлемые, переработав при этом все по-новому, на свой лад...

Познай себя и ответь, почему у тебя два месяца назад не было желания крушить саблей турецкие головы и почему ты прощала деятельность дипломата... Подумай — ты скажешь сам себе, что нельзя под влиянием момента решать свою судьбу напрочь, навсегда. Выработав же в себе идеи, в жизни ты всегда будешь стойко и неуклонно пробивать путь к своим целям. И если эта цель — благо народа, то благо будет и тебе.

Крепко целую всех. Твой Саша.

евания! Да здравствует власть Советов! Да здравствует тов. Ленин! Будьте прокляты, палачи!»

А в это время в Петрограде, Саратове, Харькове, Пензе перед уходящими на фронт бойцами шла его пьеса. На сцену выходил ведущий и читал вермишевскую стихотворную «Присягу красноармейца» и рассказывал о гибели автора. Пьесу принимали с небывалым энтузиазмом. В зале звучал «Интернационал». И на устах каждого были слова Вермишева о Родине, надеждах и мечтах которой он жил:

Судьба России — Родины моей,
Порвавшей пути рабские цепи,
Вручившей мне оружие — алый стих,
Бесценной ношей на моих
лежит плечах.
К. ЛАВРОВА.
(Наш корр.)